

УДК 343.13(470)
DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.140-154

ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ БЕЛОНОСОВ,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

Для цитирования

Белоносов, В. О. Современное состояние уголовно-процессуального законодательства в России / В. О. Белоносов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 140–154. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.140-154.

Аннотация. В статье анализируется современное состояние уголовно-процессуального законодательства (2017–2018) на предмет оценки эффективности вновь вводимого уголовно-процессуального регулирования и его характеристик. Интерес к теме вызван принятием в 2014 году 31 федерального закона, изменившего Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, и 4 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, внесших коррективы в названный Кодекс. Ежемесячное принятие в этот год по 2,9 нормативно-правового акта с целью изменить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации имело ряд отрицательных последствий. Это явление автор называет гиперактивным уголовно-процессуальным законодательством, которое по своим характеристикам не соответствует обычному совершенствованию закона, описанному в теории права. Для изучения этого явления использованы как общенаучные методы юридического познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логическое толкование норм уголовно-процессуального права).

Вопросом комплексного анализа всех вносимых в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений в уголовно-процессуальной науке до настоящего времени никто не занимался, хотя многие авторы подвергали анализу только единичные нормативные изменения, из которых нельзя было сделать вывод об их гиперактивном характере. Несмотря на чрезмерно большое количество изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, он не стал лучше. Сегодня уже никто не спорит о том, что в нем много несовершенств и изъянов. Однако изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Фе-

© Белоносов В. О., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

дерации следует вносить не посредством конъюнктурного гиперактивного законодательства, а используя вдумчивый, фундаментальный, комплексный подход.

Ключевые слова: уголовный процесс, законодательство, внесение поправок, статья, пробел, противоречие.

Мы продолжаем ежегодный анализ изменений уголовно-процессуального законодательства с целью определения эффективности вновь вводимого уголовно-процессуального регулирования и его качественных характеристик. Причиной нашего внимания к уголовно-процессуальному законодательству стало принятие в 2014 г. 31 федерального закона и 4 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, которые внесли большое количество изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), что сильно дестабилизировало законодательство. В тот год принималось ежемесячно по 2,9 нормативно-правового акта. Такое явление мы назвали гиперактивным уголовно-процессуальным законодательством, так как это не обычное совершенствование законов, описанное в юридической литературе, а принципиально новое явление с присущими ему специфическими свойствами. Для его исследования мы использовали как общенаучные методы юридического познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логическое толкование норм уголовно-процессуального права).

Вопросом комплексного анализа всех вносимых в УПК РФ законодательных изменений до настоящего времени в уголовно-процессуальной науке никто не занимался, хотя многие авторы подвергали анализу изменения отдельных норм УПК РФ, из которых нельзя было сделать вывод о гиперактивном характере этих изменений.

С 2016 г. мы ввели в практику ежегодную публикацию аналитических статей по этому вопросу для привлечения внимания к этой проблеме [1, 2, 3].

За 17 лет существования (с декабря 2001 по декабрь 2018 г.) УПК РФ изменялся 246 законами и корректировался 27 постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации, в результате чего получили принципиально другой УПК РФ, коренным образом отличающийся от принятого в 2001 г. В нем каждая норма изменена более 4 раз, а некоторые (ст. 39, 31, 150, 151 и др.) – ежегодно по многу раз.

Представляет интерес динамика законодательного процесса. В 2002 г. принято 5 законов, в 2003 – 5, 2004 – 4, 2005 – 1, 2006 – 7, 2007 – 11, 2008 – 6, 2009 – 13, 2010 – 25, 2011 – 21, 2012 – 18, 2013 – 27, 2014 – 31, 2015 – 17, 2016 – 19, 2017 – 18, 2018 – 20. Пик гиперактивного законодательства приходится на 2014 г.

Настораживает практика принятия по многу уголовно-процессуальных законов в день, например, по 6 (как это было 23 июля 2013 г., 5 мая 2014 г., 27 декабря 2018 г.), по 7 законов (21 июля и 31 декабря 2014 г., 3 июля 2016 г.), не говоря уже о случаях принятия от 2 до 5 законов в день. Не является ли это свидетельством поточного метода или выполнения какого-то плана, особенно если такие даты приходится на конец года? Можно ли быть уверенным, что такие изменения хорошо подготовлены? Именно таким способом принято 63 % законов.

После 2014 г. количество законов, вносящих изменения в УПК РФ, стало снижаться, тем не менее оно продолжает оставаться высоким и неустойчивым. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. отмечен небольшой рост законодательства, который составил 1,7 закона ежемесячно. Все это свидетельствует о нестабильности законодательства, отрицательно влияющей на правоприменение, обучение, издание учебной литературы. Так, сегодня

практически невозможно найти правоприменителя, который уверенно знает УПК РФ. Преподаватели уголовно-процессуального права также вынуждены быть начеку и ежегодно вносить изменения в учебные материалы, чтобы соответствовать современным требованиям законодательства. В магазинах невозможно купить УПК РФ с последними изменениями, так как он устаревает еще в момент подготовки к изданию. По этой же причине в учебниках по уголовно-процессуальному праву излагается материал в самом общем виде без подробной детализации.

Сложность создавшегося положения осознается даже самим законодателем. В связи с этим 22 апреля 2016 г. в Совете Федерации было проведено парламентское слушание по вопросу усовершенствования УПК РФ. Его участники не только согласились с имеющимися трудностями, но и признали, что хаотичное внесение поправок в уголовно-процессуальное законодательство в последние годы нарушает его внутреннюю логику, искажает смысл норм и институтов, часто отражает ведомственные интересы, что подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону [4, с. 11]. Кроме констатации неудовлетворительного положения дел депутаты высказали предложение ужесточить практику внесения изменений в УПК РФ – не более 1 раза в год и пообещали, что их предложение произведет настоящую революцию в современном уголовном процессе.

Никто от сенаторов никакой революции всерьез не ожидал: сенаторы и революция – вещи несовместимые, но и обещанного ужесточения уголовно-процессуального законодательства посредством внесения поправок в УПК РФ не более 1 раза в год тоже не получилось. Трудно требовать от законодательной власти выполнения своих обещаний, даже опубликованных в юридической литературе. Здесь, видимо, действуют причины не только правового характера. В итоге мы продолжаем иметь неприглядные явления, отмеченные сенаторами: нарушение законодательной логики, бессистемность, хаотичность, ведомственные интересы, нестабильность законодательства.

Первые изменения в УПК РФ в 2018 г. были внесены Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ. С одной стороны, он урегулировал вопрос о предельных сроках содержания под стражей на досудебной стадии, с другой – оказалось, что речь идет не о предварительном расследовании, а о периоде нахождения уголовного дела у прокурора. Этот период всегда презюмировался как небольшой, а теперь по формально-бюрократическим причинам он может быть увеличен до 30 суток, так как обвиняемого возможно содержать под стражей до 30 суток. Согласно этому Закону срок содержания под стражей в период предварительного расследования исчисляется до направления уголовного дела прокурору. Логика требует, чтобы и стадия предварительного расследования тоже заканчивалась с момента направления уголовного дела прокурору, но об этом в Законе ничего не говорится, а потому появляется определенное противоречие. По своей сути нахождение уголовного дела у прокурора до суда является промежуточным этапом, хотя может продолжаться до 30 суток. Этот период не относится ни к предварительному расследованию (оно уже закончено), ни к судебному разбирательству.

Данный Федеральный закон не добавил никаких прав гражданам, а был принят в интересах прокуратуры с целью внесения ясности в предельные сроки содержания под стражей. При этом утратила силу однотипная ч. 2.1 ст. 226 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ, просуществовавшая всего 6 лет. Не является ли это свидетельством хаотичности и бессистемности в законотворческом процессе? Хочется надеяться, что прокурорские работники не будут затягивать эти сроки до предела.

Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 31-ФЗ изложил в новой редакции п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, уточнив случаи отсрочки исполнения приговора беременным женщинам и родителям малолетних детей. Данным Законом устранено противоречие между Уголовно-процессуальным и Уголовным кодексами Российской Федерации. Если с момента своего принятия в 2001 г. УПК РФ говорил о малолетних детях, то УК РФ – о ребенке. Через 17 лет после своего принятия ст. 398 УПК РФ тоже теперь говорит о малолетнем ребенке. Репрессивность законодательства усилилась из-за введения дополнительных ограничений ввиду невозможности отсрочки за преступления террористической направленности. Таким образом, этот Закон принят для устранения противоречия и усиления репрессивности в интересах правоприменителей.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ внес изменения в связи с избранием и применением мер пресечения в виде запрета определенных действий, что в целом демократично. В пояснительной записке к данному Закону сказано, что избрание альтернативных заключению под стражу мер пресечения содействует обеспечению прав личности, исполнению общепризнанных международных норм права, сокращению репутационных потерь, связанных с удовлетворением Европейским Судом по правам человека жалоб граждан Российской Федерации. Этот Федеральный закон порождает некоторые сомнения. Например, кто будет контролировать запреты определенных действий, перечисленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

- 1) выход в определенные периоды за пределы жилого помещения;
- 2) нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещение определенных мероприятий, участие в них;
- 3) общение с определенными лицами;
- 4) отправление и получение почтово-телеграфных отправлений;
- 5) использование средств связи и сети Интернет.

Путаные и уклончивые ответы, перечисленные в п. 11 этой статьи, только усиливают подозрения, что сами правоохранительные органы и должны контролировать эти ограничения, но у них нет для этого реальных возможностей. Да и сам законодатель в ч. 8 данной статьи перечисляет случаи, когда можно нарушить эти запреты в чрезвычайных ситуациях. Откуда тогда уверенность, что нарушения запретов со стороны обвиняемых будут иметь место только в чрезвычайных ситуациях?

Несмотря на положительные характеристики этих мер, они рождают смутные сомнения. Хотелось бы ошибиться, однако думаем, что все сведется либо к поверхностно-формальному контролю, либо к слабому использованию этих демократичных средств. В вышеуказанной пояснительной записке депутаты приводили данные, что доля удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения в виде залога и домашнего ареста не превысила соответственно 0,42 и 2,43 % от общего числа удовлетворенных ходатайств об избрании мер пресечения, применяемых по решению суда. Видимо, такая же перспектива небольшого применения ожидает и запрет определенных действий.

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 96-ФЗ внес дополнение в п. 18 ст. 397 УПК РФ, восполнивший пробел, связанный с уклонением осужденного к принудительным работам, получением предписания, неприбытием к месту наказания в установленный срок. Эти усиливающие репрессивность изменения связаны с новой редакцией ч. 6 ст. 53.1 УК РФ, допускающей признание осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания.

Несколько федеральных законов внесли изменения в подсудственность и подсудность в связи с появлением новых составов преступлений. Так, Федеральный закон

от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ установил подследственность по новым преступлениям УК РФ:

- ст. 200.4 «Злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;
- ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок».

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ изменил подследственность в связи с упразднением ст. 269 УК РФ (нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов), так как предусмотрена отдельная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов (ст. 217 УК РФ). При имевшей место конкуренции статей одна (менее жесткая) была упразднена.

Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ внес изменения в подследственность в связи с изменениями в УК РФ:

- ст. 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации»;
- ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»;
- ст. 258 «Незаконная охота».

Все указанные изменения связаны с усилением репрессивности. Относительно небольшой Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 205-ФЗ можно назвать ярким примером формально-бюрократического закона, заботящегося не о содержании, а о форме.

Подозреваемый вправе получать копию постановления о возбуждении против него уголовного дела. Новым законом формулировка «против него» упразднена. Если дело возбуждалось не против личности, а по факту (таких случаев подавляющее большинство), то это давало формальное право отказывать подозреваемому в получении соответствующего постановления. Таким образом, это формальное противоречие устранено. Однако разве кто-то запрещал правоприменителям уведомлять субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности, о возбуждении уголовного дела? Слепое следование букве, а не духу закона противоречит здравому смыслу и ущемляет права граждан.

Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ изменил подследственность в связи с внесением изменений в ст. 215.3 УК РФ (самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность), усилив ее репрессивность.

Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ является редким случаем усиления демократической тенденции, вводя следующие изменения:

- обязательность аудиозаписи судебного заседания;
- введение автоматизированной информационной системы формирования состава суда;
- введение помощника судьи (по аналогии с Арбитражно-процессуальным кодексом Российской Федерации).

Согласно этим нововведениям у граждан появляются дополнительные возможности для защиты своих прав, например, знакомиться с аудиозаписью судебного заседания и подавать на нее замечания (ч. 7 ст. 259 УПК РФ). Это важное средство обжалования приговоров в вышестоящих судебных инстанциях, о которых говорили давно [5].

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 7 июля 2016 г. № 1434-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-ки З. на нарушение ее конституционных прав ч. 7 ст. 259 и ст. 389.34 УПК РФ» указывал на возможность исполь-

зования различных технических средств (фотографирование, аудио- и видеозапись, киносъемка) для обеспечения полноты протокола.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о допуске к информации о деятельности судов» также ориентировал суды всех уровней на необходимость фиксирования хода судебного разбирательства с использованием средств аудиозаписи и иных технических средств при наличии такой возможности.

Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ внес дополнение в ч. 5 ст. 259 УПК РФ, допускающее только возможность осуществления в ходе судебного разбирательства фотографирования, аудио- и видеозаписи, киносъемки допросов, трансляции по радио, телевидению или в сети Интернет. И вот теперь логическое продолжение этой тенденции реализовалось в установлении обязательной аудиозаписи судебного заседания.

Можно констатировать, что появление этого демократического изменения все равно имеет положительное значение даже для репрессивного уголовного процесса, однако оно вводится с 1 сентября 2019 г.

Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ внес существенные изменения в процессуальный порядок деятельности судов в связи с созданием кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, а также кассационных и апелляционных военных судов вследствие принятия Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции».

Так, определена инстанционность уголовного судопроизводства; разграничены полномочия по рассмотрению уголовных дел в апелляционном и кассационном порядке между судами; установлена компетенция создаваемых судов; регламентирован кассационный пересмотр вступивших в законную силу судебных решений. Процедура зависит от того, каким судом принято такое решение, является ли оно промежуточным или итоговым, в каком суде и в каком порядке подлежит пересмотру. Поправки применяются со дня начала деятельности новых судов, за исключением некоторых положений, для которых установлен иной срок.

Преыдущие кардинальные изменения судебной системы были в 2013 г. Не слишком ли часто? Не нарушает ли это стабильность законодательства? Ведь создаются трудности не только в правоприменении, но и в обучении. Может быть, студентам не надо вникать в эти тонкости, а следует овладевать фундаментальными положениями уголовного процесса?

Федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ ввел в уголовное судопроизводство нового участника, похожего на свидетеля, – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, которому посвящена ст. 56.1 УПК РФ. Определен его статус, порядок допроса, оглашения показаний в ходе судебного разбирательства. Закон принят в целях реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г., а потому заслуживает одобрения.

Федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ направлен на регламентацию спорных и неоднозначных в своей совокупности действий правоприменителей, касающихся вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а потом его отмены. Закон принят во исполнение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П.

Практике известны неединичные случаи неоднократных прекращения уголовных дел (уголовных преследований), а потом их возобновлений, длящихся годами. Конституционный Суд Российской Федерации инициировал вопрос о необходимости внесения ясности в эти неоднозначные явления. Данным Федеральным законом внесена определенность: установлен годичный срок, в течение которого прокурор, руководитель следственного органа могут отменить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). После истечения этого срока такая возможность предоставляется суду. В качестве примера можно привести случай, ставший предметом разбирательства Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г., в котором гражданин в течение 8 лет (!) не мог быть реабилитирован с получением соответствующих компенсаций после вынесения судом оправдательного приговора. За этот период прокурор не только не принес официального извинения, но и неоднократно отменял постановление органа предварительного следствия о прекращении в отношении этого гражданина уголовного дела, и его уголовное преследование возобновлялось, а суды различных уровней принимали взаимоисключающие решения, допуская неоднократное участие одних и тех же судей в рассмотрении материалов дела.

Даже студенты юридических вузов знают, что после реабилитации прокурор обязан принести официальное извинение со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также то, что один и тот же судья не может участвовать в рассмотрении одного и того же дела. И вдруг опытные практические работники с многолетним стажем работы почему-то начинают оценивать нормы права по-другому. Такое извращенное понимание длится долго (в данном случае до 8 лет), доходит до Конституционного Суда Российской Федерации как высшей судебной инстанции, хотя ответ понятен даже студентам.

Несмотря на внесенную законодателем определенность в этом вопросе, некоторые сомнения все же остались. Любое неоднократное, а тем более длящееся в течение длительного времени чередование прекращений, а затем возобновлений уголовных дел (уголовных преследований) свидетельствует об уязвимости аргументации, недостаточности убедительных доказательств, спорности ситуации, которая согласно презумпции невиновности должна толковаться в пользу обвиняемого. Либо уязвимость положения кроется в реальных причинах действий прокуратуры, которые при более пристальном рассмотрении оказываются причинами совсем не правового характера. И все же данный закон внес небольшой вклад в возможность укрепления прав граждан посредством сокращения прокурорского произвола (но не его устранения), а потому имеет небольшую демократическую направленность.

Федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 413-ФЗ изменил наименование окружных военных судов. При появлении Дальневосточного окружного военного суда (введенного Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 115-ФЗ и носившего это наименование полтора года) нами уже обращалось внимание на противоречие между наименованиями окружных военных судов (Дальневосточный, Московский, Приволжский и Северо-Кавказский) и военных округов (Восточный, Западный, Северный, Центральный, Южный) [3, с. 20]. И вот теперь данное противоречие устранено, они получили наименование 1-го Восточного, 2-го Западного, Центрального, Южного окружных военных судов. но почему-то при этом два суда получили в названии числительные. Законы логики заставляют поставить вопрос: что это означает? Нельзя ли по здравому смыслу либо убрать числительные (что более предпочтительно), либо всем названиям присвоить числительные? Видимо, следует ждать дополнительных изменений в дополнительном законе. Почему же никак не получается ввести все необходимые изменения одним законом?

27 декабря 2018 г. отметился в истории уголовно-процессуального законодательства тем, что в этот день принято 6 законов с подозрительной нумерацией от 509 до 552. Закономерен вопрос: является ли это авральным выполнением плана под конец года? Насколько эти законы хорошо проработаны и в чьих интересах приняты?

1. Федеральный закон № 509-ФЗ говорит о возможности изменения территориальной подсудности. Стороны судебного разбирательства получили право ходатайствовать об изменении территориальной подсудности, если имеются обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу. Таким образом, этот Закон добавляет небольшие права гражданам в борьбе с возможной необъективностью судей.

2. Федеральный закон № 520-ФЗ усиливает репрессивный характер УПК РФ в связи с появлением ст. 200.6 УК РФ (заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд). В 2018 г. появились три похожие статьи в УК РФ – 200.4, 200.5, 200.6, что свидетельствует об интенсивности репрессивного процесса.

3. Федеральный закон № 530-ФЗ ужесточает законодательство в связи с появлением ст. 172.3 УК РФ (невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средств). Согласно этому Закону в ст. 160.1 УПК РФ (меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных неимущественных взысканий) на следователя (дознавателя) возлагаются не совсем привычные для него обязанности: меры по установлению такого имущества, сопоставление его стоимости с исковыми требованиями, а если имущество находится за границей – подготовка запроса в соответствии с гл. 53 УПК РФ. Такая необычность полномочий заставляет задуматься, не является ли это иллюзией борьбы с преступностью?

И еще одно дополнение. Указанным Законом упразднена явка с повинной в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Конечно, ранее она тоже была слабым для этого поводом. Может быть, этим Законом мы продолжаем движение в сторону здравого смысла?

4. Федеральный закон № 533-ФЗ ввел следующие поправки:

а) в очередной раз дополнено понятие уголовных дел частного-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Статья и ранее была не маленькая, а теперь она просто громоздкая;

б) расширены основания для прекращения уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ. Если ранее говорилось о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, то теперь – о прекращении уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, то есть основания для прекращения уголовного дела увеличились;

в) дополнен порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81.1 УПК РФ), порядок заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), добавлена ст. 164.1 УПК РФ (особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий). Обращает на себя внимание тот факт, что при детализации изъятия законодатель указывает на его необязательный характер.

В целом эти поправки приняты только в интересах правоприменителей.

5. Федеральный закон № 543-ФЗ вызывает недоумение, когда при уточнении ч. 8 ст. 109 УПК РФ (сроки содержания под стражей) устанавливает, что «в ходатайстве долж-

ны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу». А разве может быть по-другому?

Этот Закон предусматривает необходимость соблюдения следователями формальной стороны расследования: как надо мотивировать постановление о заключении под стражу (указывать конкретные обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения этой меры). Однако эти требования общеизвестны, никакой принципиальной новизны они не обладают.

6. Федеральным законом № 552-ФЗ внесены формально-бюрократические изменения в ст. 432 УК РФ (освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), не увеличивающие прав граждан.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что из 20 принятых в 2018 г. законов 4 (20 %) носят демократичный характер, так как добавляют какие-то права гражданам, остальные 16 (80 %) – прав гражданам не добавляют, но усиливают репрессивно-ограничительные тенденции. Самой многочисленной группой среди репрессивных законов является та, которая изменяет подсудность и подсудность в связи с появлением новых статей в УК РФ. Таких законов 6. Эти изменения не привносят ничего принципиально нового, а только закрепляют или конкретизируют уже сложившиеся уголовно-процессуальные отношения между различными ведомствами.

В 2017 г. картина была немного другая. Из 18 (27 %) принятых законов 5 носили демократический характер, так как увеличивали права граждан, в частности:

1) от 7 марта 2017 г. № 33-ФЗ – совершенствовал институт отсрочки отбывания наказания, который смягчил положение подсудимого;

2) 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ – закрепил возможность ведения в судебном заседании фотографирования, видеозаписи, кино съемки и т. д., впоследствии был доработан Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ до обязательной аудиозаписи судебного заседания, о чем говорилось выше;

3) 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ – предусмотрел возможность продления применения государственной защиты и мер безопасности в связи с приостановлением предварительного расследования, прекращением уголовного дела или уголовного преследования на досудебном и судебном производстве. Согласно этому Закону субъект, в отношении которого осуществлялась государственная защита с применением мер безопасности, в некоторых случаях имеет право на дальнейшее их применение даже после приостановления предварительного следствия, прекращения уголовного дела или уголовного преследования, что улучшает его процессуальное положение;

4) 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ – совершенствовал правовой статус адвоката. Этим Законом усилились состязательные начала в уголовном процессе: следственные действия в отношении адвоката поставлены под судебный контроль; усилены гарантии охраны адвокатской тайны, его независимости и самостоятельности; введены самостоятельное вступление адвоката в уголовное дело, его участие в следственных действиях, дополнительные гарантии в предоставлении доказательств и судебное решение об обыске, о выемке, об осмотре в отношении адвоката и др. Этот Закон расширяет права адвоката;

5) 1 июля 2017 г. № 137-ФЗ – обязал должностных лиц принимать решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в 3-дневный срок со дня поступления к ним медицинского заключения из мест содержания под стражей. При

всей своей демократичности этот Закон все же вызывает чувство неполного удовлетворения. Для сравнения любопытно посмотреть, как подобное правоотношение урегулировано в ст. 63-3 УПК Франции (Code de procedure pénale, Dernière modification de 1 septembre 2017, Document généré le 8 septembre 2017, Copyring (C) 2007–2017 Legifrance): «Заключенное под стражу лицо имеет право обратиться с просьбой о медицинском освидетельствовании. В этом случае Прокурор Республики или офицер уголовной полиции вызывает врача для проведения медицинского освидетельствования. Вторично просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена при продлении срока содержания под стражей. Врач должен прибыть в 3-часовой срок для проведения освидетельствования, которое осуществляется без посторонних лиц при соблюдении принципа уважения личности и сохранения медицинской тайны.

Прокурор Республики или офицер уголовной полиции имеют право в любой момент пригласить врача для медицинского освидетельствования заключенного.

Кроме заключенного просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена членом его семьи.

Врач незамедлительно обследует содержащегося под стражей субъекта и отражает результаты освидетельствования в своем заключении, которое приобщается к материалам уголовного дела».

Представляется, что подобная регламентация более детально, полно и демократично регулирует правоотношения разных участников уголовного судопроизводства при назначении и проведении медицинского обследования лица, заключенного под стражу, а потому заслуживает одобрения.

Остальные 13 законов (73 %), принятые в 2017 г., не увеличили права граждан, а регламентировали исключительно ведомственные интересы правоприменителей. Большая группа из 8 законов внесли изменения в подследственность и подсудность в связи с появлением новых статей в уголовном законодательстве (федеральные законы от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ, 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ, 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ, 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ, 31 декабря 2017 г. № 500-ФЗ, 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ).

Например, Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ ужесточает подсудность и подследственность в связи с появлением новых статей УК РФ: 71.3 «Незаконное производство и/или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции»; 327.1 «Изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использования». В этом Законе конкретизируется, что расследование по перечисленным уголовным делам проводится дознавателями органов внутренних дел, а судебное разбирательство – мировыми судьями. Однако это само собой разумеющиеся вещи. Даже не углубляясь в неоднозначный вопрос обоснованности введения этих статей в уголовное законодательство (как выходящий за границы интересующих нас процессуальных вопросов), никто не рассчитывает, чтобы расследование проводилось следователями Следственного комитета или Федеральной службы безопасности.

Аналогичная картина наблюдается и с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, но в этом случае появились новые статьи, связанные с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: ст. 199.3 УК РФ «Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 199.4 УК РФ «Уклонение страховате-

ля-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд».

Такое ужесточение подсудности и подследственности отвечает только узковедомственным интересам правоохранительных органов. Обращает на себя внимание тот факт, что 4 федеральных закона приняты в последние дни года (29, 31 декабря), напоминая выполнение какого-то плана.

В 2017 г. дважды законами от 28 марта 2017 г. № 51-ФЗ и от 29 декабря 2017 г. № 468-ФЗ вносились изменения в ст. 82 УПК РФ о хранении вещественных доказательств.

Первый Закон предписывает уничтожить игровое оборудование для незаконной организации и проведения азартных игр. Неоднозначность такой регламентации заключается в том, что в этой статье уже прописан порядок уничтожения ряда предметов:

- пришедших в негодность скоропортящихся продуктов (подп. «в» п. 2 ч. 2);
- наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих эти средства и вещества либо их прекурсоров, а также предметов, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды (п. 3);
- изъятых из незаконного оборота товаров легкой промышленности, перечень которых устанавливается Правительством РФ (п. 6);
- изъятых в соответствии с законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (п. 7).

В той или иной мере все эти товары явно запрещены к распространению, в силу чего они и подлежат уничтожению. Удивляет, что согласно предлагаемому законодателем дополнению образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования (видимо, имеется в виду игровое оборудование, которое использовалось для незаконной организации и/или проведения азартных игр), приобщается к материалам уголовного дела. Представить это довольно сложно.

Второй Закон относит к вещественным доказательствам животных (что само по себе неоднозначно) и вводит правила вроде бы гуманного обращения с ними (не только реализация и уничтожение), закрепленные в трех постановлениях Правительства РФ (от 28 мая 2003 г. № 304, 9 января 2009 г. № 13, 31 мая 2007 г. № 367) об объектах животного мира.

Настойчивое желание законодателя перечислить с исчерпывающей полнотой судьбу всех разновидностей запрещенных вещественных доказательств непродуктивно. Более конструктивным представляется формулировка общего правила о судьбе запрещенных вещественных доказательств, которая дана в постановлениях Правительства РФ.

Может быть, формально правильным, но отвечающим лишь узковедомственным интересам является Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 251-ФЗ, обязывающий судей направлять копии обвинительных приговоров в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности и (или) полномочные органы, ведающие делами о гражданстве РФ. Однако возникают вопросы: как эти органы, обеспечивающие безопасность и ведающие делами о гражданстве, ранее осуществляли свою деятельность? Что они теперь будут делать с таким большим количеством копий обвинительных приговоров? Кто мешал им раньше брать копии приговоров, учитывая, что ведь они имели какое-то отношение к этим делам? Кто больше заинтересован в этом законе – граждане или ведомства?

Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ ввел в УПК РФ новую гл. 55.1, касающуюся производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем.

После ознакомления с содержанием главы осталось впечатление, что этот Закон в целом демократичный, прогрессивный, чем явно выделяется из других. Даже вызвало удивление, каким образом депутаты смогли принять такую демократичную уголовно-процессуальную процедуру, которая плохо гармонирует с содержанием всего УПК РФ и его репрессивными тенденциями. Пришлось обратиться к пояснительной записке и истории принятия Закона.

Оказывается, что подготовка началась по поручению Правительства РФ по реализации решения саммита «Группы восьми» в Кэмп-Дэвиде 18–19 мая 2012 г. Законопроект направлен на совершенствование правового регулирования международного сотрудничества по вопросам выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов. Иными словами, законопроект начал готовиться в другой политической обстановке, когда Россия входила в большую восьмерку, государство не конфликтовало с внешним миром, не было санкций, понятие «организованная преступность» было другим, поэтому для правильной оценки этого Закона с позиции сегодняшнего дня надо иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Социально-политическая обстановка в стране сильно изменилась, причем не в лучшую сторону.

2. С юридической точки зрения у нас очень непростые отношения с решениями иностранных судов, в том числе с Европейским Судом по правам человека. Все потенциальные разногласия нам пытаются объяснить тем, что эти решения могут противоречить Конституции РФ, однако такие объяснения неубедительны.

3. Сложно представить, что в вопросах выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов организованной преступности наша страна может быть сильно полезна судопроизводству иностранных государств. Пока мы являемся свидетелями неединичных случаев обратного.

Хотелось бы ошибиться, но представляется, что этот Закон будет средством не столько борьбы с организованной преступностью, сколько ее имитации.

В отличие от 18 законов, изменивших УПК РФ в 2017 г., 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации (от 16 марта 2017 г. № 7-П, 11 мая 2017 г. № 13-П, 6 июня 2017 г. № 15-П, 14 ноября 2017 г. № 28-П) имеют принципиально другую характеристику. Это нормативно-правовые акты с непростой, но убедительной мотивировкой. Они содержат конкретизацию уголовно-процессуальных правил применительно к частным случаям, которые вызвали ошибки в правоприменении. Неправильная конкретизация исказила дух и смысл нормативных предписаний, привела к нарушениям прав и свобод граждан.

Общеизвестно, что закон всегда ущербен, так как должен отвечать одновременно двум противоположным требованиям: а) быть по возможности конкретным, б) распространяться на неограниченное количество случаев. В связи с этим закон в принципе не может быть исчерпывающе полон, а требует своей конкретизации для каждого случая правоприменения. Этот непростой и творческий процесс должен: а) быть свободным от внешнего влияния (например, от ведомственного интереса); б) основываться на соблюдении принципов и фундаментальных положений уголовного процесса. Этому

процессу обучают даже в учебных заведениях и в целом добиваются правильного понимания студентами духа и смысла закона, тем не менее не все правоприменители в своей практической деятельности соблюдают эти условия, что приводит их к разного рода нарушениям. Появляется ошибочная конкретизация норм права, которая основывается не на принципах и фундаментальных положениях уголовного процесса, например, проявляется ведомственная заинтересованность, которая приводит к ущемлению прав граждан. Такие случаи становятся предметом анализа Конституционного Суда Российской Федерации.

Мы уже говорили о постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П по поводу прекращения и возобновлений уголовного дела в течение 8 лет. Интересна в этой ситуации позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Он ничего не исправляет, не оценивает роль конкретных правоприменителей, которые долго и существенно нарушали права граждан, не поднимает вопрос о виновности и наказании. Как терпеливый учитель с железной нервной системой спокойно и даже отстраненно в который раз повторяет, каким образом надо правильно понимать общие положения уголовно-процессуальной теории применительно к частным случаям. Однако учениками этого учителя выступают практические работники с многолетним стажем работы, которых трудно заподозрить в незнании фундаментальных положений уголовно-процессуальной теории. В данном случае Конституционный Суд Российской Федерации конкретизировал общие правила следующим образом:

а) прокурор не имеет права в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования без предоставления этому лицу эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования;

б) обязанность от имени государства принести официальное извинение реабилитированному лежит на прокуроре города или района, осуществляющем надзор за процессуальной деятельностью органов расследования;

в) не должен участвовать в рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении причиненного вреда судья, который ранее дал юридическую оценку данному требованию, вновь ставшему предметом судебного разбирательства.

Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

– неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке;

– правоприменительные решения подлежат пересмотру.

Такие односложные выводы, несмотря на их абсолютную юридическую правомерность вызывают чувство неудовлетворенности. Ничего не говорится о тех, кто совершал многочисленные и многолетние нарушения, которые ущемляли права и интересы граждан, а также о тех субъектах, которые должны были контролировать и не допускать подобных нарушений.

Создается впечатление, что мы имеем дело с круговой порукой. Зарождается невольное сомнение: а кто будет привлекать к какой-либо ответственности нерадивых прокуроров и судей за нарушения? Где гарантии того, что справедливость восторжествует?

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд Российской Федерации играет сложную роль как в правоприменительной практике, так и в законотворчестве, сравнимую с высшей математикой в юриспруденции. Тем не менее желательно, чтобы Конституционный Суд Российской Федерации кроме правоинтерпре-

тационной деятельности при выявлении многолетних существенных нарушений прав граждан предпринимал действенные меры к их исправлению и постановке вопроса о привлечении виновных к ответственности.

В настоящее время УПК РФ несовершенно и имеет много изъянов. Исправлять это положение надо не посредством конъюнктурного гиперактивного законотворчества, а используя вдумчивый, кропотливый, фундаментальный и комплексный подход. Начинать необходимо с широкого коллегиального обсуждения, какой мы хотим видеть уголовную политику государства. Вопросы эти должны обсуждаться без спешки и не в кризисное, нестабильное время, и в любом случае решать их должны не те депутаты, которые так активно переделали УПК РФ.

В качестве образца можно обратиться, например, к УПК Франции. О том, что этот нормативный акт лучше проработан, свидетельствуют следующие факты:

- в УПК РФ вопросам исполнения приговора посвящена гл. 47, состоящая из 6 статей, в УПК Франции – 416 статей закона и 206 статей декретов Государственного Совета;
- в УПК РФ вопросы международного сотрудничества регламентируются гл. 55.1 и ч. 5 (всего 28 статей), в УПК Франции – 152 статьями в Пятой книге;
- в УПК РФ судебным издержкам посвящено 2 статьи, в УПК Франции – 142;
- в УПК РФ судимости посвящена 1 статья, в УПК Франции – 59.

Главной отличительной особенностью УПК Франции является не только более подробная, но и демократичная регламентация уголовно-процессуальных отношений, что объясняется более широким подходом к пониманию их сущности как деятельности суда, прокурора и других субъектов во время судебного разбирательства. И если в отечественном правоведении эти отношения находятся в различных отраслях права, это совсем не означает, что они утратили свою уголовно-процессуальную природу, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [6, с. 16; 7]. Отечественная практика включения уголовно-процессуальных отношений в различные отрасли права является порочной, ибо вопросы уголовного судопроизводства должны быть строго единообразны и находиться в УПК РФ. Уголовно-процессуальные отношения не должны подвергаться опасности потенциально разной регламентации при дальнейшем развитии различных отраслей права.

Широкий подход к пониманию уголовно-процессуальных отношений проявляется также в том, что по степени сложности и значимости они превосходят даже уголовно-правовые отношения, закрепленные в УК Франции. Так, если УПК Франции на сайте *Legifrance* занимает 1626 страниц, то УК Франции – только 391 страницу, что в 4,1 раза меньше.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Несмотря на имеющее место гиперактивное уголовно-процессуальное законотворчество, УПК РФ продолжает оставаться далеким от совершенства. Современное внесение поправок в УПК РФ не следует отождествлять с классической практикой усовершенствования законодательства. Оно в принципе не решает проблем несовершенства закона, а потому лучше уж все оставить как есть, ведь все равно УПК РФ как-то действует. В силу этого заслуживают поддержки предложения о введении моратория на изменения УПК РФ или резкого сокращения уголовно-процессуального законотворчества. В этих условиях не может быть речи о принятии нового УПК. Даже в советское время гиперактивного законотворчества не было.

Интенсификация любого вида деятельности (и законотворчество не является исключением) неразрывно связана с приобретением этой деятельностью новых качеств. Например, гиперактивное законотворчество не всегда улучшает состояние законодательства,

восполняет пробелы, устраняет противоречия, придает правовую определенность. Эту деятельность нередко сопровождают недостаточная проработанность, бессистемность, хаотичность, игнорирование мнения ученых, безответственность за конечный результат нормотворчества, недолговечность принимаемых поправок и др. Да и депутаты сами озвучили многие причины: нарушение внутренней логики, искажение смысла норм и институтов, ведомственные интересы, процедурная легкость принятия законов. Видимо, поэтому депутаты предлагали ужесточить практику внесения изменений в УПК РФ – не более 1 раза в год.

Интересы ведомств в законотворчестве существенно преобладают над интересами граждан, что свидетельствует о его недемократичности. Если в 2017 г. 73 % внесенных в УПК РФ поправок имели репрессивно-ограничительный характер, а 27 % – добавляли права гражданам, то в 2018 г. репрессивно-ограничительные поправки возросли до 80 %, а добавляющие права гражданам сократились до 20 %. Преобладание ведомственных интересов подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону. Внимание к уголовно-процессуальному законотворчеству не должно ослабевать.

Библиографический список

1. Белоносов В. О. Изменения уголовно-процессуального законодательства в 2016 г. // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (57-е криминалистические чтения). М., 2016. С. 100–108.
2. Белоносов В. О. Уголовно-процессуальное законодательство в 2017 г. // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 100–104.
3. Белоносов В. О. Об актуальных проблемах уголовно-процессуального законотворчества // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2. С. 15–22.
4. Качалова О. В. Уголовному процессу обещают перемены // Уголовный процесс. 2016. № 6. С. 11.
5. Дьяконова О. Г., Щепотинин П. В. О необходимости введения «обязательного» видеопроотоколирования судебного заседания // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 55–57.
6. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. 194 с.
7. Маликова Н. Б. Процессуальные нормы уголовно-исполнительного права и их функции при исполнении лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 27 с.